

ЛИХОЙ КУЧЕР

«Журналистика для меня — профессия временная. Я мечтаю снимать кино», — говорит ведущий «Большой страны»

Мария Безбородова

Месяц назад в эфир РТР вышла новая программа Станислава Кучера «Большая страна». До этого бывший ведущий «Обозревателя» вел ток-шоу «Наше дело», которое было закрыто из-за плохих декораций. Но Кучер не тот человек, который сразу сдаётся. Пример тому — эпизод, который наблюдала корреспондент «НГ», приехав на интервью. Интервьюируемый спускался по водосточной трубе с седьмого этажа, потому что в его кабинете сломался замок.

С ТАНИСЛАВ, вы согласны с мнением, что «Большая страна» является утренним дополнением к «Зеркалу» Сванидзе?

— Я не слышал такого уникального мнения. Уверен, подобное сравнение в одинаковой степени неприятно и мне, и Сванидзе. У нас абсолютно разные взгляды на происходящее в стране, и это видно по последним передачам, где мы, в частности, комментировали события вокруг НТВ. На «Зеркало» власть всегда может рассчитывать в плане лояльности. «Большая страна» не претендует на роль аналитической программы. Мы экспериментируем, делаем разноплановые передачи.

— В последнем выпуске «Большой страны» ваше мнение о ситуации вокруг НТВ шло вразрез с общей позицией РТР. Были ли у вас после этого проблемы с руководством?

— Руководитель «Вестей» Александр Абраменко сказал, что программа ему понравилась, хотя он не со всем согласен. Многим журналистам РТР кажется, что на этом канале нельзя критиковать власть. Отчасти это результат не столько внешней, сколько внутренней самоцензуры, идущей еще с советских времен. Будут ли проблемы? Посмотрим. Если начнут «давить» в политическом плане — найдем другую работу. Кстати, завтрашний эфир нам придется пропустить — вместо «Большой страны» зрители увидят большое интервью Егора Строева.

— Если бы Добродеев ушел с РТР, ваше положение на канале осталось бы тем же или пошатнулось?

— Мое положение пошатнется, если я выдам в эфир некачественный продукт. Нельзя войти в одну реку дважды, и я думаю, Олег Борисович не ставил перед собой задачи сделать из РТР второе НТВ. Я уважаю его решения, но как мне кажется, в последнее время он телевидением занимался гораздо меньше, чем политикой.

— Ваш уход с ТВ-6 связывают с покупкой Борисом Березовским контрольного пакета акций телекомпании и перспективой прихода на канал Сергея Доренко...

— Насколько мне известно, приходиться на ТВ-6 Доренко не собирался. Но если бы он даже стал ведущим шестого канала, мы бы что-то придумали, чтобы не дублировать друг друга. Я ушел с ТВ-6 по другим причинам. Во-первых, там были большие проблемы с финансированием программ: «Обозревателю» не хватало денег даже на зарплату корреспондентам. Во-вторых, мне надоело все время сидеть в студии, не имея возможности ездить в командировки. Третья причина связана с тем, что в конце 99-го года, во время президентских выборов, канал ТВ-6 занял пропутинскую позицию. В этих условиях у «Обозревателя» было два выхода: либо ввязаться в информационную войну, либо покинуть эфир. Мы предпочли второй вариант, и наше решение совпало с мнением руководства канала. Правда, через месяц мне предложили вернуться и делать новую передачу. Переговоры шли хорошо, но вскоре выяснилось, что на новый проект не хватает денег.

— Переходя на госканал, вы предполагали, что там цензуры меньше?

— На РТР я пришел спустя три месяца после ухода с шестого канала. К тому времени Олег Добродеев стал председателем ВГТРК и предложил мне сотрудничество. Мы встретились, обсудили несколько проектов и остановились на ток-шоу «Наше дело».

— Правда, что на РТР вы привели 26 человек?

— Не двадцать шесть, а всего шесть. Сейчас к ним присоединились ребята и с других программ РТР. 26 человек могли бы делать «Вести»!

— Когда «Наше дело» выходило в эфир, вы сказали, что это программа влияния и она должна воздействовать на власть. Не кажется ли вам это наивным, так как обычно происходит наоборот?

— На частный канал тоже могут позвонить из администрации президента и вежливо попросить не ставить в эфир ту или иную передачу. Не послушаешься — сигнал отключат или вообще лицензию лишат. На госканал давить еще легче: власть воспринимает его как свою собственность. Может

быть, я излишне оптимистичен и наивен, но мне всегда казалось, что не шляпа красит человека, а человек шляпу. Мы делали «Наше дело» так, как хотели его делать: приглашали политиков, которые не всегда нравились власти, затрагивали темы, заведомо зная, что они не понравятся администрации президента. Ток-шоу имело хороший рейтинг, нравилось руководству канала, и я верил, что телевидение может работать на общество, а не на конкретную группу лиц. Потом программа ушла в летний отпуск: мы работали над новым оформлением студии и рассчитывали, что осенью «Наше дело» будет выходить в прайм-тайм. Однако вскоре мне сказали, что передачу закрывают, мотивируя тем, что у нее отвратительные декорации. Конечно, это был лишь повод, а на самом деле все гораздо сложнее. До закрытия ток-шоу я действительно наивно верил, что могу говорить все, что считаю нужным, — сейчас у меня на этот счет большие сомнения.

— Сразу после пожара на Останкинской телебашне вы сделали об этом передачу, но по ошибке технических служб в московский эфир дали другой выпуск «Нашего дела», посвященный проблемам морского флота. Могло ли это повлиять на закрытие передачи?

— Я не исключаю такого варианта. Эта история шокировала не только нашу команду, но и руководителей телеканала. Тогда любое упоминание о подлодке «Курск» в эфире РТР могло привести их к нервному срыву. Следом за программой о флоте показали передачу, посвященную пожару в Останкино. Думаю, это был первый и последний бенефис Кучера на РТР. Кстати, на следующий день мне звонили жены погибших моряков и благодарили за передачу. Когда «Наше дело» закрыли, я встал перед выбором: уходить или оставаться. На мой прямой вопрос, нужен ли Кучер каналу, Добродеев дал утвердительный ответ, но при этом добавил, что необходимо какое-то время переждать. Ждать я не хотел, поэтому полетел в Таджикистан и снял вместе с корреспондентом ОРТ Сергеем Зениным документальный фильм «Несентиментальное путешествие», который был показан на РТР. Но без регулярного эфира телевизионщику очень сложно. Поэтому, когда Добродеев предложил делать программу «Большая страна», я согласился.

— На ТВ-6 вы занимали административные должности. Предлагали ли вам их на РТР?

— На самом деле серьезных административных должностей я никогда не занимал. Возглавляемая мною PR-служба ТВ-6 просуществовала совсем недолго: после кризиса 98-го года телекомпания

была не в состоянии оплачивать международные PR-проекты, на которые делал ставку Эдуард Сагалаев. От предложения занять какой-нибудь пост на РТР я бы отказался, потому что на госканале заниматься администрированием гораздо рискованней, чем в частной телекомпании. Здесь достаточно одного звонка по вертушке — и человек вылетает с канала, как пробка из бутылки. Вспомните хотя бы историю с Рафом Шакировым. Да и вообще, быть мелким чиновником на государственном телевидении — другая работа для тех, кто не может заниматься эфирной журналистикой.

— На НТВ освободилось много вакансий. Вы согласились бы сейчас работать на этом канале, если бы вас пригласили?

— Сейчас, наверное, отказался бы, хотя никогда не говори «никогда». Об НТВ хочу сказать отдельно. Ради проведения реформ Путин поставил перед собой задачу консолидации общества вокруг себя, а для осуществления этой цели нужно иметь контролируемое общественное мнение. Вот вам и вся история с НТВ. Если через двадцать лет Россия превратится в процветающее демократическое государство, мы все, в том числе те энтузиасты, которые стали жертвами нынешней ситуации, снимем шляпу и скажем: «Да, Владимир Владимирович, вы, наверное, были правы». Но проблема заключается в том, что все реформы в России идут сверху и не получают поддержки снизу. Поэтому вариант со шляпой — скорее утопия.

— Киселев скоро станет генеральным директором ТВ-6, и многие ваши коллеги лишатся своих мест. Если бы вы не ушли с шестого канала, вы согласились бы работать с Евгением Алексеевичем?

— В этой ситуации очень важно, как он придет на канал. Если попросит своих помощников освободить кабинет предыдущего начальника, начнет направо и налево увольнять журналистов, он ничем не будет отличаться от Коха и Йордана. Хочется надеяться, что и Киселеву, и его команде хватит мудрости и порядочности для того, чтобы учесть интересы тех людей, которые там сейчас работают. Я лично переживаю за ТВ-6 и хочу, чтобы у него было полноценное будущее. Но вопрос опять-таки в том, как сложатся отношения хозяев канала с властью. При желании власть за неделю сможет лишит ТВ-6 регионального вещания, превратив его в «столичную штучку».

— В «Обозревателе» вам всегда удавались интервью с политиками. Почему в новой программе вы отказались от их участия?

— «Большая страна» идет всего 37 минут, и, выбирая между гос-

тами и сюжетами, мы отдаем предпочтение последним. Я люблю конфликтные интервью, психологические дуэли, но для них в этой программе пока нет места.

— Многие телевизионные аналитики говорят, что у вас одна проблема — возраст, так как к экспертной оценке молодого человека относятся с осторожностью...

— Молодость — понятие относительное. Через год мне исполнится тридцать лет. Это уже зрелый возраст! О какой молодости можно говорить?

— Если, по вашему мнению, молодость уже прошла, не пора ли сменить имидж «серьезного мальчика»?

— Мне всегда казалось, что иронический взгляд говорит больше, чем рубашки и галстуки. Вы об одежде? Сейчас я уже выхожу в эфир в водолазке и пиджаке. Правда, в последней программе опять надел галстук, но это потому, что не нашел хорошей водолазки.

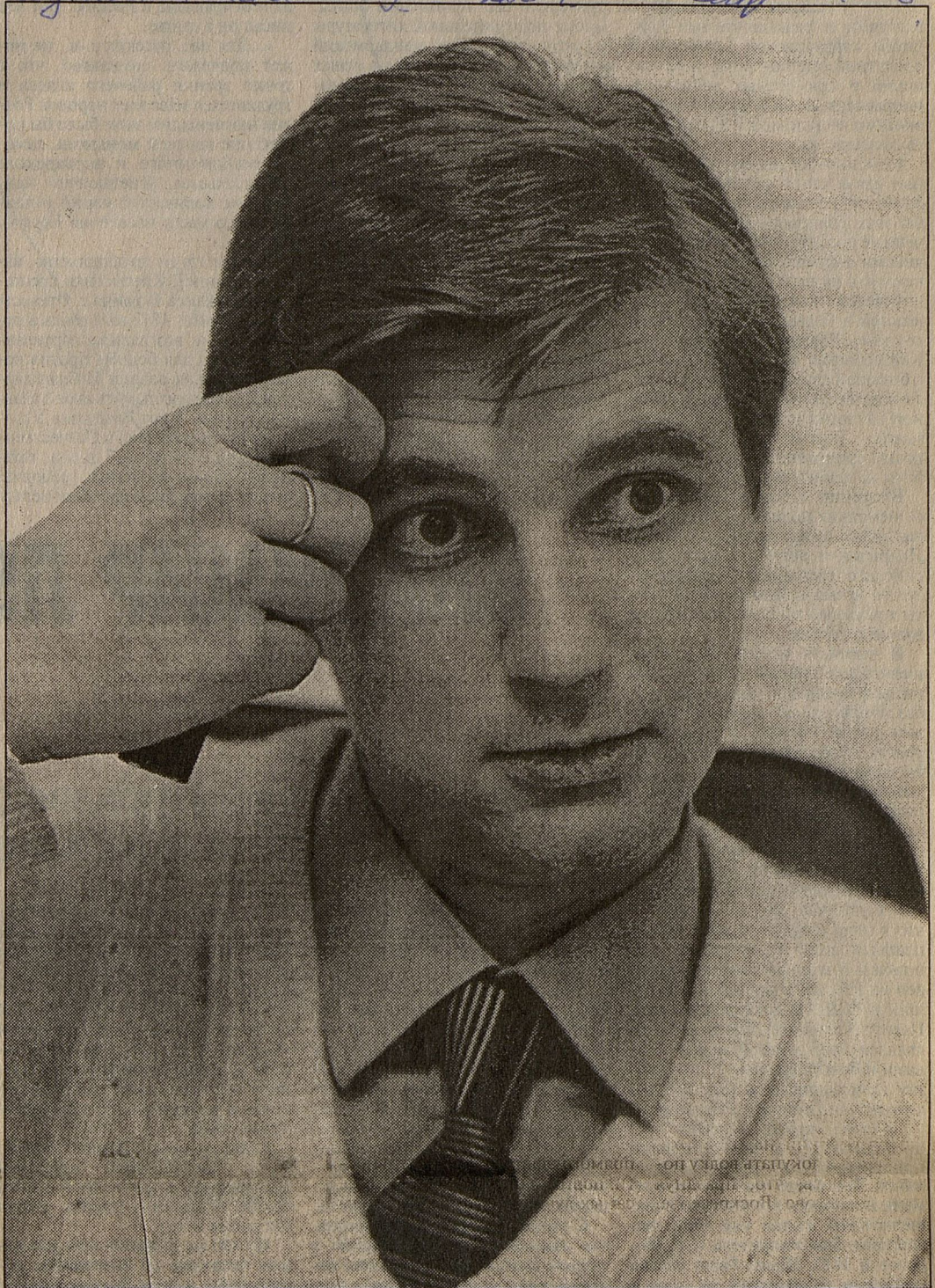
— Кого вы считаете своим телевизионными конкурентами?

— Раньше своими соперниками я считал Киселева, Сванидзе, Доренко: мы выходили в одно время, анализировали ситуацию вокруг Кремля. Сейчас конкурентов у меня нет, потому что моя программа, на мой взгляд, не похожа ни на какую другую.

— В одном из интервью вы сказали, что лет через двадцать планируете стать владельцем большой компании. Вы имели в виду телевидение?

— Идеальный вариант — иметь свою телекомпанию, но еще больше я хочу снимать документальное и художественное кино. Короче, нужен нормальный бизнес, который позволит заниматься и телевидением, и кино, и, скажем, поисками... затонувших кораблей.

«Через год мне исполнится тридцать лет. О какой молодости можно говорить?», — Станислав Кучер. Фото Артема Житинева (НГ-фото)

из досье «НГ»

Станислав Александрович Кучер родился 18 марта 1972 г. в Ленинграде. В 1994 г. окончил МГИМО МИД РФ по специальности «журналист-международник». До 1996 г. — корреспондент международного отдела «Комсомольской правды». С 1994 г. — автор и ведущий программы «Прогнозы недели» (ТВ-6). С 1996 г. — автор и ведущий программы «Обозреватель» (ТВ-6). В апреле 2000 г. перешел на РТР, вел ток-шоу «Наше дело». С марта 2001 г. — автор и ведущий программы «Большая страна» (РТР). Женат.